

© 2020

Юрий Князев

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН
(e-mail: kyuk151@rambler.ru)

МОЖНО ЛИ РАСПОЗНАТЬ ЧЕРТЫ БУДУЩЕГО В НАСТОЯЩЕМ?

Автор исходит из того, что новые явления и процессы, постоянно возникающие в капиталистической экономике, свидетельствуют в основном об изменениях в производительных силах под влиянием научно-технического прогресса и о приспособлении этого строя к появляющимся вызовам в связи с дефектами нерегулируемого рынка. Эти изменения не меняют характера эксплуататорских производственных отношений, прежде всего суть частнокапиталистической собственности. Новейшие информационно-коммуникационные технологии и крупные производственно-торговые сети способствуют концентрации капитала и установлению партнерских отношений между подразделениями отдельных фирм и корпораций, но не ослабляют, а даже усиливают конкурентную борьбу на рынке, делая ее более жесткой и разрушительной.

Ключевые слова: эволюция капитализма, производственные и торговые сети, партнерство и конкуренция, изменения в производительных силах, сохранение частнокапиталистической собственности..

DOI: 10.31857/S020736760008023-4

Вопрос о будущем всегда волновал человечество. Он особенно актуализировался перед французской буржуазной революцией благодаря работам социалистов – утопистов (Фурье, Сен-Симона, Оуэна) и памфлетам просветителей Дидро, Вольтера и других критиков абсолютизма. Первую научную попытку предугадать черты будущего общественного строя, который сменит заходящий в тупик капитализм, предприняли Карл Маркс и его соавтор Фридрих Энгельс, разработавшие методологию познания человеческого общества – диалектический и исторический материализм и раскрывшие философско-экономические предпосылки вызревания в недрах капитализма нового общественного строя, которому они дали название коммунизм.

Руководствуясь марксистским учением, российские большевики во главе с В. Лениным осуществили революционный слом существовавшей в России помещичье-буржуазной системы власти и попытались построить новое общество как полный антипод прежнему строю. При этом были нарушены основополагающие положения марксизма о неизбежности перехода к коммунизму только в зрелом капиталистическом обществе, какового в России на тот период не было, о возможности победы коммунизма только во всемирном масштабе, а не в отдельно взятой стране, а также о необходимости использовать вызревшие в лоне капитализма материальные и организационные формы обобществления производства и финансовых средств (акционерных обществ, банков, страховых компаний и др.). Именно отказ от полезного наследия капитализма и предпринятое «историческое забегание вперед» при отсутствии

в тогдашней России развитой материально-технической базы стали, на наш взгляд, главной причиной, предопределившей изначально крах социалистического эксперимента несмотря на достигнутые успехи в развитии страны, полученные, правда, прежде всего путем применения насилия к гражданам, не воспринимавшим этот эксперимент как благо.

Но и сегодня интерес к судьбе нынешнего капитализма, сталкивающегося со все более сложными проблемами в своем развитии, к перспективам его смены на какой-то другой, более справедливый общественный строй, не только не затухает, а даже получает новые импульсы в условиях бурного научно-технического прогресса и меняющейся в этой связи роли человеческого фактора. Марксистские представления о путях перехода от капитализма к следующей формации, определяемые в основном экономическими первопричинами и порождаемой ими классовой борьбой, перестали удовлетворять современных исследователей с учетом все возрастающей тенденции к доминированию технико-технологических факторов развития экономики (автоматизации, роботизации и цифровизации производства) при уменьшающейся потребности в рабочей силе, растущем значении индивидуального человеческого капитала и очевидном размывании самого понятия рабочего класса, считавшегося «могильщиком капитализма».

Среди футурологических публикаций последнего времени внимание привлекает монография С. Бодрунова «Ноономика»¹, в которой автор излагает свое видение будущего общественного строя. С. Бодрунов известен своими работами, посвященными характеристике современной российской экономики, грядущего «нового индустриального общества» и «ноономики». Последний термин является соединением двух греческих слов: «ноос» (разум) и «номос» (закон, устройство, уклад) и означает «разумное устройство жизни». Он созвучен учению В. Вернадского о ноосфере как среде обитания разумного человека и выражает новое качество будущего общества, построенного не на диктате рынка, а на осознанных людьми рациональных основаниях.

С. Бодрунов настаивает на том, что речь идет не просто о более совершенной экономике, а о новом типе общества, отрицающем существующую экономическую систему и практикующем неэкономический способ удовлетворения человеческих потребностей. Появление ноономики напрямую связывается с будущим безлюдным производством, когда в результате автоматизации и роботизации роль человеческого труда будет стремиться к нулю. Производство материальных благ будет тогда осуществляться исключительно техническими средствами в соответствии с разумно определяемыми человеческими потребностями. Тем самым якобы исчезнет необходимость в товарообмене между частными собственниками средств производства и в косвенном способе удовлетворения жизненных потребностей людей и производственных нужд товаропроизводителей через посредство конкурентного рынка: «Ноономика — новая хозяйственная система, отличающаяся от экономики

¹ Бодрунов С.Д. Ноономика // М.: Культурная революция. 2018.

отсутствием отношений людей между собой в процессе материального производства. Ноопроектирование преимущественно будет выступать и как производство самого человека, а не только как производство условий для его существования...», — уточняет Ю. Якутин².

Ноономика, по убеждению сторонников этого понятия, означает торжество человеческого разума над объективными законами рынка. Разумный образ жизни становится панацеей от всех нынешних невзгод и залогом появления будущего идеального общества. При этом не учитывается тот факт, что *homo sapiens* сам по себе далеко не идеален. Разум дан человеку не только для познания мира, но и для осознания и реализации самого себя, и это используется многими людьми далеко не во благо обществу и всеобщему прогрессу. Разумность может использоваться и действительно применяется эгоистичными людьми для извлечения выгоды исключительно для себя в ущерб другим и всему социуму. Более того, разум может подавить даже природные животные инстинкты, например, родительскую любовь и самопожертвование, заставляя матерей ради осознанной выгоды или собственного благополучия бросать своих детей, а отцов — уклоняться от алиментов и другой помощи брошенной семье. Следовательно, разумное общество, включающее и таких хитроумных людей, еще не означает наступление всеобщего благоденствия, даже если человек избавится от вынужденной необходимости трудиться и будет предаваться не только творчеству, но и собственным порокам. Поэтому важно, чтобы новое справедливое общество было не только разумным, но еще и гуманным, то есть человеколюбивым.

В концепции ноономики большое внимание уделяется роли человека как носителя знаний, и будущее общество определяется как знание-емкое. Подчеркивается важность овладения новыми знаниями и их применения в высокотехнологичном производстве. В этой связи хочется напомнить, что уже длительное время многие авторы говорят об экономике знаний, характерной для современного общества. При этом имеются в виду знания вообще, включающие, можно понять, все их разнообразие. Знания, таким образом, приравниваются к усвоенной информации, что принципиально не верно. Всевозможных знаний, полезных и не очень и даже полностью бесполезных и потому не нужных, бесчисленное множество. Поэтому знания вообще не могут считаться отличительной особенностью именно нынешней экономики. Необходимо уточнить, какие именно знания нужны для экономического развития. Видимо, это прежде всего инновационные знания, а именно фундаментальная наука и прикладные научные исследования, практические методики ведения бизнеса, организационные и технологические новинки, повышающие эффективность экономики и создающие условия для ее совершенствования. Следовательно, точнее говорить о важности не знаний вообще, а их научной и инновационной компоненты, и об экономике научно-инновационных знаний, всемерное использование которых служит ее отличительной характеристикой в нашу эпоху.

² Экономика и жизнь. 24.08.2018.

Что же касается человеческого капитала, то его главным компонентом являются не столько знания, которые сегодня в любой момент можно в полном объеме почерпнуть из интернета, а умения, определяющие профессиональную ценность любого человека. Умения основаны на вполне определенных знаниях и уникальной способности каждого индивида применять эти знания, как и присущей ему интуиции, культуре труда, стереотипах поведения и имеющихся у него талантов в своей практической деятельности. Поэтому профессиональные умения, дополненные способностью к быстрой и постоянной обучаемости и гибкостью в выборе и смене профессий, в гораздо большей мере определяет человеческий капитал, чем любые полученные и приобретаемые в дальнейшей жизни знания.

Остается неясным главный вопрос — как практически будет происходить переход от капитализма к его антиподу. Разъяснения, дающиеся в других работах С. Бодрунова³, о том, что все ускоряющийся технологический прогресс якобы постепенно снижает значение института собственности и, соответственно, роль капитала, не развеивают сомнения относительно возможности автоматического слома капитализма и исчезновения самих капиталистов со всей веками устоявшейся системой эксплуатации человека человеком.

Помимо откровенно футуристического взгляда на будущее, которое ожидает человечество в довольно отдаленной перспективе, некоторые авторы рисуют картины грядущего исходя будто бы из реальных тенденций современного развития разных сфер общества. В последнее время распространенным увлечением стало предсказание последствий бурно протекающих революционных изменений в жизнедеятельности людей и социума в целом под влиянием всеобщей компьютеризации, новых информационно-коммуникационных систем, безграничных возможностей интернета, что в комплексе получило название сплошной цифровизации, названной так в связи с заменой в науке и технике прежних аналоговых технологий более прогрессивными цифровыми. При этом для фантазирования на тему не столь отдаленного будущего всего человечества используются часто в общем-то банальные поводы при фиксации изменений, реально проходящих сегодня в довольно узких сферах.

Примером такого подхода могут послужить участвовавшие рассуждения об изменениях в работе коммерческих банков в условиях цифровизации. Так, в своей статье в журнале «Общество и экономика» ее авторы, перечислив почти четыре десятка стандартных операций банков, приходят к выводу, что они сегодня «активно замещаются теми, которые основываются на применении искусственного интеллекта»⁴.

³ Бодрунов С.Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 109–118; Бодрунов С.Д. Переход к перспективному технологическому укладу : анализ с позиции концепции НИО. 2 и ноономики // Экономическое возрождение России. 2018. № 3 (57). С. 5–12.

⁴ Швецов Юрий, Сунцова Наталья, Корешков Владислав. Эволюция коммерческих банков в условиях цифровой экономики // Общество и экономика. 2019. № 2. С. 34.

Имеются в виду блокчейн-сервис, майнинг криптовалют, облачный майнинг, хранение криптовалют, выпуск собственных криптовалют, взаимный обмен фиатных денег на криптовалюты. Не отрицая того, что эти операции действительно практикуется в интернет-сетях и что они со временем могут превратиться в дополнительные функции банков, хотелось бы все-таки высказать убеждение, что классические банковские функции и операции при этом не исчезают, а продолжают выполняться в полном объеме, но уже с использованием робототехники, компьютеров, мобильных гаджетов, интернета и искусственного интеллекта, что и происходит во многих областях современной жизни. Этот очевидный факт используется авторами статьи для увлекательного живописания того, что неминуемо ждет нас в будущем. Некоторые из их высказываний не требуют специального анализа, но другие нуждаются в комментариях.

Например, утверждается: «Очевидно, что тот денежно-кредитный каркас экономики, который питал развитие традиционных отраслей производства и сферы услуг, а также служил финансовым подспорьем улучшения жизненного уровня населения, уходит в прошлое и становится историей». Конкретно о судьбе банков сказано следующее: «Объемы кредитования населения, ранее всегда обеспечивавшие безбедное существование коммерческим банкам, будут неуклонно уменьшаться и в скором будущем достигнут нулевой отметки из-за повсеместного вытеснения человеческого труда роботами. ...Потребность в кредитах упадет и у юридических лиц, ибо рынки сбыта товаров широкого потребления резко сократятся вследствие их перенасыщения дешевыми аналогами и отсутствия платежеспособного спроса. В результате основной вид деятельности финансовых посредников, веками их надежно кормивший, — кредитование, как и ранее его старший брат ростовщичество, прекратит свое существование»⁵.

Эти утверждения плохо стыкуются с другими, повествующими о том, что люди, лишившись работы и возможности продавать свою рабочую силу, станут жить на ежемесячное пособие от государства (на базовый безусловный доход — ББД). Если это так, то, следовательно, сохранится хотя бы минимальный платежеспособный спрос. С учетом же того, что ББД не отменяет добровольного труда желающих зарабатывать на достойную жизнь, то будет существовать полномасштабный спрос на всю совокупность необходимых для людей потребительских товаров.

В отличие от прекраснодушных футурологов, предсказывающих для всех безбедную жизнь, авторы цитируемой статьи описывают следующую жутковатую картину: малый бизнес «уйдет в небытие из-за отсутствия условий для существования», «бизнес-пространство существенно сузится и будет представлять собой сферу деятельности небольшой группы финансовых воротил, среди которых окажется и часть бывших банков, ожесточенно конкурирующих между собой», «государство, еще какое-то время удерживавшееся на плаву во время становления цифрового общества, изменит свою тактику по отношению к крупному бизнесу... и станет

⁵ Там же. С. 40.

облагать его налогом либо на вмененный доход, либо на расходы»⁶. Перефразируя слова поэта Некрасова, хочется порадоваться, что «жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

Немало серьезных авторов, исследующих реально происходящие в нынешней капиталистической системе изменения, придают им чрезмерно важное значение, которого они, с нашей точки зрения, не заслуживают. Некоторые новшества затрагивают, казалось бы, существенные характеристики строя, что дает формальное основание говорить о постепенном изменении якобы самой природы капитализма и даже о его превращении в принципиально иное общество. Действительно, современный капиталистический строй разительно отличается от того, каким он был в период своего становления и дальнейшего триумфального самоутверждения. Капитализм конечно же изменился со времен *laissez-faire*, стал более цивилизованным и социально приемлемым. И претерпел этот строй такую метаморфозу только потому, что сохранение прежней системы жесткой эксплуатации наемного труда и несправедливого распределения создаваемого богатства неминуемо привело бы его к краху, предсказанному К. Марксом в «Капитале». Этого не произошло благодаря переменам в практике функционирования капитализма в направлении ограничения стихийности его развития, приводившей к периодическим кризисам перепроизводства, и ослабления классовых и социальных конфликтов благодаря сознательному перераспределению части прибыли капиталистов в пользу нуждающихся слоев населения, что особенно широко практикуется в скандинавских странах.

При оценке этих поистине эпохальных изменений необходимо исходить из главного — меняют ли они сущность капитализма или он остается по-прежнему эксплуататорским обществом, страдающим дефицитом справедливости и потому заставляющим большинство людей мечтать о лучшем будущем. Наш ответ заключается в том, что перемены, произошедшие в том числе и под влиянием позитивных сторон практики социалистических стран, продлили век капитализма, ослабив присущие ему противоречия и придав ему менее отталкивающий облик. Но его эксплуататорская природа, основанная на господстве частной капиталистической собственности и добровольно-принудительном наемном труде, остается неизменной, сохраняя рыночную систему первичного распределения создаваемого продукта в пользу капитала.

С этих же позиций следует оценивать и новейшие явления в капиталистической экономике, каковыми являются современные информационно-коммуникационные технологии и сетевые формы организации производства и торговли. В этом вопросе пока нет полной ясности. Об этом свидетельствует, в частности, статья Ю. Таранухи⁷, выступившего с критикой основных положений моей статьи, посвященной, казалось бы, узкому вопросу о соотношении конкуренции и сотрудничества

⁶ Там же.

⁷ Тарануха Юрий. О новых явлениях в капиталистической экономике // Общество и экономика. 2018. № 12.

в капиталистической экономике⁸. Оказывается, мы по-разному оцениваем вышеупомянутые новшества. Главное различие касается понимания их возможных последствий для дальнейшего развития не только экономики, но и для судеб самого капитализма.

Важно установить, способствуют ли новейшие перемены спасению капиталистических порядков от неминуемого краха или же они являются признаками его эволюционного преобразования в другой общественный строй. Позиция Ю. Таранухи в этом вопросе двойственна. Он неоднократно подчеркивает, что новейшие явления, о которых идет речь, не отменяют сущности капитализма, а лишь вносят изменения в его содержание. Конкретно, сетевые формы организации производства и сбыта продукции он считает «подлинными свидетельствами качественных перемен, хотя пока не изменяющих сущностных свойств капитализма»⁹.

Чтобы уйти от обсуждения сложных философских понятий «сущность, содержание, форма», их количественных и качественных характеристик, предлагаю более простой путь, а именно – уточнить, вносят ли упомянутые сети изменения только в производительные силы или они также модифицируют и производственные отношения. По моему твердому убеждению, они оказывают воздействие исключительно на производительные силы, совершенствуя организационные формы функционирования материальных средств производства и приводящих их в действие людей. Известно, что производительные силы представляют собой более подвижную сферу, в которой накапливаются изменения, приводящие в конце концов и к существенным переменам в производственных отношениях. Это обязывает нас внимательно следить за эволюцией производительных сил в надежде обнаружить ростки нового, способные повлиять на изменение характера производственных отношений. Поскольку исходную основу производственных отношений составляет собственность на орудия и средства производства, то главным показателем существенных перемен станут изменения в отношениях собственности на пути превращения ее частнокапиталистической формы в какую-то иную, которая должна привести к отмене эксплуатации человека человеком и более справедливому распределению создаваемого продукта, исключающему накопление богатства на одном полюсе человеческого общества и бедности на другом.

Некоторые авторы усматривают в современных сетевых структурах серьезные подвижки в социальной организации капитализма. Их исходная позиция сводится к тому, что развитие материально-технической базы труда и производства получило дополнительный импульс в виде взрывного развития информационно-коммуникационных технологий, создавших качественно новые возможности рыночных взаимодействий¹⁰. При этом такие технологии объявляются существенным

⁸ Князев Юрий. О конкуренции и сотрудничестве в современной экономике // Общество и экономика. 2018. № 4.

⁹ Тарануха Юрий. Цит. соч.

¹⁰ Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархии к сетевому укладу // М.: ИЭ РАН. 2015.

фактором не только изменения материально-технического базиса общественной организации труда и производства, но и, как явствует из названия конкретной статьи¹¹, формирования *нового типа* организации социально-экономических систем (не только организационных форм производственной деятельности, но и возникновения новых систем социально-экономического, то есть общественного свойства, что означает их качественное, сущностное преобразование).

То, что автор цитируемой статьи именно это имеет в виду, следует из такого поясняющего высказывания: «Сетевой» взгляд на организацию способствует преодолению аксиоматической атомизации рыночных отношений и делает акцент на появление наряду с принципами, описанными строгой экономической теорией, таких, казалось бы, чуждых элементов, как взаимопомощь, сострадание, партнерство, доверие, преданность общим ценностям и многое другое, деньгами не измеряемое»¹². Распространяя затем такой подход не только на хозяйственную практику, но и на экономическую методологию и теорию, автор приходит к заключению: «Так, в экономическую теорию, в противовес методологическому индивидуализму и конкуренции, пришли категории взаимопомощи, сотрудничества, партнерства, кооперации, причем не сами по себе, а еще и в тесном взаимодействии с категориями власти и властных отношений»¹³. Такое идиллическое представление о капиталистической по сути организации производства и сбыта товарной продукции в «сетях» могло бы претендовать на открытие, доказывающее изменившуюся эксплуататорскую сущность капитализма, если бы оно было верным. А что это не так свидетельствует непредвзятый взгляд на сетевую форму внутрифирменной организации.

Главным фактором, создавшим саму возможность сетевой организации, стало дальнейшее углубление общественного разделения труда, которое дошло до поддетальной специализации. Такая специализация и соответствующая ей производственная кооперация возникли задолго до появления интернета и прочих информационно-коммуникационных технологий, которые, конечно, облегчили эти процессы, но никак не породили их, как хотят представить сегодня сторонники подобных взглядов. И отношения партнерства в бизнесе появились тоже с момента возникновения последнего и существовали в рамках фабричной формы организации труда и производства.

Специалисты, занимающиеся изучением рыночной конкуренции, склонны видеть в сетях качественно новые образования, способствующие ослаблению соперничества и замене его разными формами сотрудничества. Высказывается мысль, что в ходе эволюции капитализма возникает «соревновательная конкуренция — это форма соперничества, которое ведется на основе добровольного ограничения эгоистических

¹¹ Дерябина М.А. Сетевые формы рыночной координации как новый тип организации социально-экономических систем // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 6.

¹² Там же. С. 98.

¹³ Там же.

притязаний и установления партнерских отношений между соперниками ради повышения совместной (общей) конкурентоспособности, а ее механизм нацелен не на подрыв способностей соперников, а на состязание между ними за занятие лучшей позиции»¹⁴. То есть конкуренция якобы превращается в собственную противоположность!

На самом же деле никакого ослабления конкуренции на капиталистическом рынке не происходит с тех пор, когда при простом товарном производстве разрозненные товаропроизводители — ремесленники обменивались своими изделиями. Уже тогда более искусные и трудолюбивые получали сравнительно высокие доходы, с помощью которых расширяли свое производство и так или иначе монополизировали рынок. Монополизация, следовательно, — это неизбежное порождение свободного рынка, и она сразу же нарушает идеальную конкурентную среду, для поддержания которой потребовалось в конце концов вмешательство государства в виде антимонопольного законодательства.

Такова историческая реальность, которая опровергает утверждение, что свободная конкуренция сама по себе якобы исключает монополизм. В действительности же конкурентное соперничество неминуемо порождает монополии, убирая с рынка ближайших конкурентов. Совершенная конкуренция может поэтому мыслиться либо как отсутствие соперничества между многочисленными и примерно равными по мощи рыночными субъектами, что противоречит логике рынка, либо как силовое устранение монополиста и появление вместо него множества опять же равных и не слишком амбициозных соперников. Без внешнего (государственного) вмешательства у более мелких компаний нет шансов на равных бороться с крупными, способными устанавливать монопольно низкие или высокие (по их собственному выбору) цены, не говоря уже о множестве других способов устранять неугодных конкурентов.

Принципиально нового в этом плане не вносят и современные производственные и торговые сети, обеспечивающие встраивание разрозненного бизнеса в международные цепочки производства добавленной стоимости. Конечно, эти новые формы потому и появились, что они более производительны и эффективны. Но это вовсе не означает, что они подменяют или отменяют конкуренцию, которая по-прежнему правит бал на рынке, ибо без нее рыночная экономика невозможна. Меняются лишь способы конкуренции, а вернее способы приспособления к конкуренции фирм, специализирующихся на производстве деталей и узлов для конечной продукции, так как они могут выжить только в том случае, если будут работать не на неорганизованный и спорадический спрос, а на гарантированный сбыт в рамках крупной компании, уже отвоевавшей свою нишу на рынке. Конкуренция в этом случае не ослабевает, а даже усиливается, только переносится она с микроуровня на мезосистемы, проигрыш которых в конкурентной борьбе более губителен и катастрофичен для всех участников разветвленной сети. И нельзя тешить себя иллюзией,

¹⁴ Тарануха Юрий. О новых явлениях в капиталистической экономике // Общество и экономика. 2018. № 12. С. 69.

что в данном случае происходит создание такой силы, «которая позволяет достигнуть результатов, превосходящих всемогущество крупного капитала». На самом деле тем самым создается еще более гигантский капитал, частью которого становятся ранее самостоятельные малые предприятия. На смену прежнему лозунгу «малое прекрасно» (*small is beautiful*) приходит более прагматичный слоган «большое значит сильное» (*big is strong*). И в российской экономике неизбежно их появление и развитие наряду с крупными чисто отечественными компаниями типа Газпрома и классическими транснациональными корпорациями, так как на мировых рынках они получают несомненные конкурентные преимущества.

Термин «соревновательная конкуренция» описывает исключительно отношения внутри сетей, а не между ними. Вернее, он применим только к процессу создания сетей, в ходе которого действительно ее потенциальные участники отказываются от конкурентной борьбы и договариваются об объединении с единственной целью повысить свою общую эффективность и получить конкурентные преимущества перед более крупными соперниками на рынке. Это явление не является принципиально новым. И в прежние времена совместный бизнес создавали компаньоны, объединявшие свои небольшие ресурсы для общего дела, строительные и другие артели, разного рода деловые партнерства. Классические слияния и поглощения компаний также преследовали цель усилить позиции в конкурентной борьбе. Современные производственные цепочки и сети отличаются только тем, что кооперируются подразделения подетальной специализации, объединяя разрозненные производства и технологические процессы на более гибкой основе благодаря новейшим ИКТ и достижениям цифровизации.

Информационно-коммуникационные технологии, цифровизация экономики, создание производственных и торговых сетей конечно же совершенствуют производительные силы, способствуют росту производительности труда и некоторому уменьшению атомизации на рынке, но объективных рыночных законов, действующих в отношении между ставшими более крупными объединениями, они не меняют. Возникающие внутри сетей новые формы кооперирования никак не изменяют характера конкурентной борьбы вовне, которая становится более жесткой и разрушительной, так как ведется не между малыми и слабосильными предприятиями, а между мощными гигантами с возрастающими ставками. Цель объединившихся в производственные и торговые цепочки хозяйственных единиц независимо от их внутренних взаимоотношений, которые могут быть как диктаторскими, так и консенсусными, состоит в снижении издержек и росте прибыли ради усиления своих конкурентных преимуществ. Очевидное ослабление и даже исчезновение взаимной конкуренции внутри сетей никак не приводят к ликвидации конкурентной борьбы вовне и не превращают рынки в ареалы сотрудничества и кооперации, а следовательно, и не ведет к «гуманизации капиталистического производства». Достаточно указать на порочную

практику торговых сетей не допускать появления мелких поставщиков или обуславливать их приход дополнительной платой, а также на закрытость производственных сетей для конкурирующего бизнеса.

Это не значит, что сфера конкурентной борьбы остается неизменной и в ней не появляются новые моменты, достойные пристального внимания. Напротив, в последнее время все чаще мы видим примеры искусственного снижения действиями государства накала конкурентной борьбы и предупреждения ее разрушительных последствий. В страновых экономиках в кризисных ситуациях на помощь системообразующим банкам и корпорациям приходит государство, проводящее их докапитализацию и поддерживающее ликвидность за счет бюджетных средств и фондов центробанков. Особое отношение к бизнес-формированиям, которые слишком велики, чтобы обанкротиться (*too big to fail*), объясняется опасением столкнуться с нежелательными хозяйственными и социальными последствиями. Это ведет к деформации здоровой конкурентной среды и фактически фаворизирует монополизм крупных и мощных компаний, которые хоть и нарушают внутреннее антимонопольное законодательство, но зато могут успешно соревноваться с ТНК на внешних рынках. Такое попустительство «собственным» монополистам ради получения ими преимуществ в глобальной конкурентной борьбе явно противоречит рыночной логике и вызывает враждебную реакцию проигравших, которые стремятся взять реванш в других сферах. Этим во многом объясняется нежелание банков кредитовать реальный сектор экономики и их стремление зарабатывать в основном спекуляциями на валютных и фондовых рынках, что ведет к небывалому разрастанию финансового сектора, на котором обращается все больше фиктивного капитала.

С приходом к власти в США президента Д. Трампа в международной торговле стала распространяться практика целенаправленного протекционизма ради защиты отечественного производства. При этом широко используются неэкономические методы конкурентной борьбы, граничащие с навязыванием собственной продукции методами политического давления и шантажа. Это выражается в неприкрытом воздействии со стороны Трампа не только на Китай и Россию, но даже на своих союзников в Европе, а также Мексику и Канаду. Дело не ограничивается резким повышением ввозных пошлин в нарушение общепринятых правил ВТО. Для продвижения в Европу сланцевого сжиженного газа США упорно стремятся не допустить строительство газопровода «Северный поток – 2» и буквально заставляют некоторые страны закупать свой дорогой газ вместо более дешевого российского. Широко применяемые санкции преследуют помимо политических также корыстные коммерческие интересы, состоящие в подавлении своих противников (Ирана, Китая, России, Кубы) не в ходе нормальной рыночной конкуренции, а, по сути, силовыми средствами. Сложившаяся новая ситуация в мировой экономике вследствие развязанных торговых войн США с Китаем, европейскими и некоторыми другими государствами с использованием неприкрытого политического давления заставляет многие страны за-

щищать свои национальные интересы аналогичным путем и соответственно приспособлять внутреннюю практику к неблагоприятным внешним вызовам в ущерб соблюдению чисто рыночных критериев.

Сегодня все чаще встает вопрос об исчерпании жизненной силы капитализма и возможном переходе общества к новому, более цивилизованному строю. С учетом этого особый интерес представляют те происходящие изменения, которые могут свидетельствовать о зарождении в недрах капитализма элементов нового общественного строя. Ответить на вопрос, как будет выглядеть будущее общество, невозможно с убедительной достоверностью. Можно лишь пытаться в переменах, вызванных необходимостью решения назревших задач, обнаружить вектор движения в будущее. Только руководствуясь таким практическим подходом, можно нащупать действительно новые моменты в общественном развитии, выражающие объективные тенденции, которые означают движение к грядущей организации жизнедеятельности людей. При этом важно адекватно оценивать новые явления и не придавать им значения, которого они не заслуживают.

При рассмотрении новых явлений и процессов нельзя отдавать предпочтение одним и забывать о других, которые могут быть более значимыми для дальнейшего развития общества. Создание разного рода сетей и того нового, что несут они в плане внутренней организации бизнеса и особенностей конкурентной борьбы, вряд ли знаменует собой качественные перемены в нынешней капиталистической парадигме. Гораздо большее значение для дальнейшего общественного развития имеет, на наш взгляд, усиливающиеся автоматизация и роботизация производства, уже сейчас порождающие ряд дилемм, связанных с сопровождающим рост производительности труда неизбежным сокращением численности занятых работников и возможным переходом в будущем к полностью безлюдному производству. Вот это наверняка станет качественным сдвигом в развитии производительных сил с неизбежными последствиями для характера производственных отношений. Но предсказать конкретные формы и сроки этих перемен вряд ли возможно, так как они будут носить сущностный, революционный характер и будут затрагивать жизненные интересы ныне господствующих сил, а потому вызывать их сопротивление и приводить к разного рода компромиссам и неизбежным потрясениям.

Посмотрим, какие актуальные проблемы возникают в связи с усиливающейся автоматизацией и роботизацией производства. Главным является вопрос, каким образом можно занять высвобождающуюся в сфере производства рабочую силу и не допустить массовой безработицы. Некоторые авторы считают, что проблема будет решаться за счет происходящего роста рабочих мест в сферах услуг, информационно-коммуникационных технологий, науки, НИОКР, а также по мере появления новых профессий. Действительно, огромные массы сельских жителей, оказавшихся ненужными в результате механизации аграрного труда, нашли применение в бурно развивавшейся промышленности, сосредоточенной

в основном в крупных городах. Много новых рабочих мест появилось в сфере услуг, занявшей ныне ведущее место в создании ВВП. В последнее время бурно растет численность программистов и других специалистов в сфере ИКТ. Но, во-первых, это не привело к устранению безработицы, а во-вторых, технический прогресс все больше проникает и в эти сферы, где также начнут высвобождаться ненужные работники. Трудно сказать, появятся ли в ближайшем будущем другие трудоемкие отрасли, способные, как промышленность и сфера услуг, массово поглотить излишки рабочей силы, появляющиеся в результате постоянного роста производительности труда. Во всяком случае, угроза все большей неполной занятости существует для всего мира и может обостряться в случае замедления роста или сокращения ВВП в отдельных странах или наступления очередного мирового кризиса.

Эта проблема может стать особенно острой для России в связи с тем, что в нашей экономике все еще занято избыточное по международным меркам количество работников, представляющих собой технологические излишки рабочей силы, которые будут освобождаться в результате оснащения производственных предприятий новейшим оборудованием. Пока это не делается по причине нехватки на предприятиях амортизационных средств и инвестиций, а также из-за нежелания увольнять квалифицированных работников, которые понадобятся при наступлении лучших для бизнеса времен. Кроме того, сохраняется советская практика избыточного найма на производстве и в государственных учреждениях работников, не претендующих на более высокую оплату их труда и довольствующихся сохранением низкооплачиваемого рабочего места. Такой негласный социальный договор между работниками и работодателями искусственно занижает показатели производительности труда во всей российской экономике и объясняет невозможный в развитых странах феномен существования множества бедных людей среди занятого населения. С учетом всех этих российских особенностей опасность роста безработицы при решении задачи повышения производительности труда в нашей стране существенно выше, чем в других государствах.

В ряде стран вопросу об угрозе неполной занятости населения уже сейчас начали уделять внимание не только в теоретическом, но и в практическом плане. Рассматриваются разные нетрадиционные возможности обеспечения средствами для существования людей, оставшихся без работы или не желающих трудиться. Все большую популярность приобретает идея наделять всех граждан безусловным минимальным доходом, достаточным для скромной жизни при отсутствии доходов от трудовой деятельности. В Швейцарии даже провели референдум по этому вопросу. Большинство принявших в нем участие, правда, отвергли предложение о предоставлении на прожитие каждому швейцарцу в месяц по 2 тыс. евро, получаемых по праву гражданства без каких-либо условий. Подобные предложения тестируются также в Финляндии и Канаде.

Подходы к решению проблем неполной занятости исходят, естественно, из нынешних представлений о возможном будущем, которые не в состоянии учесть невообразимые повороты судьбы. Так, роботизированное производство мыслится обязательно массовым, обеспечивающим экономию на масштабе выпускаемой продукции. Но такому производству трудно учитывать индивидуальные вкусы потребителей. Поэтому не факт, что оно приобретет всеобщий характер и будет однозначно конкурентоспособным в сравнении с изготовлением продукции по индивидуальным заказам, для чего потребуются не автоматы, а умельцы на все руки и узкие специалисты, численность которых будет не сокращаться, а даже увеличиваться. Это лишний раз убеждает в том, что целесообразнее сосредоточить внимание на решении конкретных проблем по мере их поступления, чем предугадывать будущее, контуры которого пока не совсем ясны.

Главный же недостаток футурологических представлений о будущем состоит, на наш взгляд, в том, что они исходят исключительно из тенденций научно-технического прогресса и игнорируют проблемы общественного развития, которые по существу определяют конкретный социальный тип устройства общества. Переход к возможному безлюдному производству осуществляется эволюционно и автоматически, сам по себе, в соответствии с объективными производственными потребностями, диктуемыми необходимостью повышения производительности труда. Но непонятно, как в этих условиях будет происходить переход от охраняемой законом частной собственности на средства производства, руководствующейся исключительно максимизацией прибыли и увеличением масштабов производства только собственной продукции, к изготовлению научно обоснованного, оптимального с точки зрения как индивидуальных, так и общих потребностей, ассортимента изделий, предполагающего, естественно, наличие не разрозненной и атомизированной, а компактной и обобществленной формы собственности. Пока каких-либо существенных подвижек в эту сторону в реальной практике не просматривается. Усиливается лишь концентрация частного капитала не только на национальном, но и международном уровне.

Серьезной и все более трудно разрешимой проблемой становятся в наше время затруднения в реализации производимой продукции в общенациональном и мировом масштабах. На объективные причины существования этой проблемы при капитализме обращали внимание многие выдающиеся мыслители, начиная с С. Сисмонди и заканчивая современными авторами. Частнокапиталистический способ производства и присвоения общественного продукта неизбежно сопровождается периодическими кризисами перепроизводства, в результате которых восстанавливается нарушенная макроэкономическая пропорциональность ценой временного разрушения прежней и создания новой конфигурации производительных сил. Замечено, что в последнее время эти кризисы стали менее частыми, но зато более разрушительными. Происходит это под воздействием набирающего силу сознательного регулирования со стороны

общества стихийных рыночных процессов, позволяющего временно отсрочить неминуемые последствия сокращающегося платежеспособного спроса путем искусственного стимулирования сбыта трудно реализуемой продукции. Последним по времени способом такого стимулирования стало широкое распространение банковского кредитования при приобретении населением товаров длительного использования и дорогостоящего жилья. Практика массового использования потребительских и ипотечных кредитов позволила временно снять проблему сузившегося платежеспособного спроса, открыв возможность жизни в долг, когда потребители могут пользоваться товарами здесь и сейчас с долгосрочной рассрочкой платежей. Тем самым производители получили возможность продолжать выпуск не имеющей реального платежеспособного спроса продукции и избавились от необходимости удешевлять ее, снижая издержки, или переориентироваться на освоение других, менее накладных для потребителей изделий.

Гениальная идея — заставить народ и целые государства жить в долг, казалось бы, выгодна всем: производителям, потребителям, банкам и самому обществу благодаря продолжившемуся экономическому росту пусть и на не совсем здоровой основе. Однако на деле это оказалось не так, ибо все кончилось мировым финансово-экономическим кризисом, разразившимся в конце первого десятилетия XXI века. Жившие в долг потребители, и без того испытывавшие нехватку платежных средств, вынуждены теперь оплачивать свой комфорт примерно в два раза дороже с учетом выплачиваемых по кредитам ежегодных процентов. Большинство из них не справлялось с такой платежной нагрузкой и переставало обслуживать свои долги перед банками, которым угрожала неликвидность и в конце концов неизбежное банкротство. Так и случилось в США, ставшими источником глобального кризиса. Несмотря на принятые американским государством и мировой банковской системой меры (ужесточение условий кредитования по программе «Базель-3»), ситуация в этой сфере мало изменилась. Это и понятно — всеобщая практика жизни в долг не может быть отменена, так как это неминуемо привело бы к масштабному кризису перепроизводства. Но другого способа поддержания спроса на склонную к затовариванию продукцию пока не придумано. Остается еще путь снижения процентных ставок на потребительские и ипотечные кредиты вплоть до их обнуления, как это уже происходит с ключевыми ставками центральных банков многих стран. Можно, конечно, дойти и до отрицательных ставок, то есть до доплаты клиентами банкам за собственные депозиты, но это противоречит самой логике капиталистического способа ведения хозяйства. Но коль скоро такая практика уже имеет место, трудно отделаться от мысли, что слом капитализма может произойти не только эволюционным, но и нежелательным разрушительным путем, если общественный разум вовремя не восторжествует.

В особо сложной ситуации могут оказаться менее развитые страны: «Становление мирового хозяйства и глобального капитала в некоторой степени смягчает противоречия воспроизводственного процесса

в экономически развитых странах, однако это смягчение одновременно приводит к консервации отсталости менее развитых стран. При этом в ловушку отсталости эти страны попадают в силу неконкурентоспособности их промышленной продукции, что ведет к межотраслевой миграции ресурсов в добывающие отрасли и сельское хозяйство и, соответственно, к примитивизации отраслевой структуры экономики. Преодоление отсталости возможно только при наличии социальных сил, заинтересованных в таком преодолении и способных их осуществить»¹⁵.

Перед Россией, которая относится к группе менее развитых стран, встают, следовательно, неотложные задачи, связанные с выходом из отсталости и ускорением экономического роста. Решить их прежними методами не удастся, и потребуются существенные изменения в сложившейся системе хозяйствования в направлении усиления плановых начал, которые становятся неотъемлемым элементом цивилизованной рыночной экономики. Необходимость перспективного планирования осознают и в развитых странах. Американский аналитик Джеффри Сакс в своей книге «Цена цивилизации» пишет: «Я твердо верю в рыночную экономику, однако процветание Америки в XXI веке требует также государственного планирования и четко сформулированных, долгосрочных политических целей, основанных на разделяемых обществом ценностях... Разумеется, я говорю не о том ведущим в тупик централизованном планировании, которое практиковали в ныне почившем Советском Союзе, а о долгосрочном планировании государственных инвестиций в качественное образование, современную инфраструктуру, в безопасные и связанные с низким потреблением углерода источники энергии и в устойчивость окружающей среды»¹⁶.

Постоянной и неразрешимой проблемой капитализма является очевидный дефицит справедливости и все возрастающая пропасть между постоянно богатеющими и нуждающимися слоями общества. В передовых странах эту проблему пытаются решить путем введения прогрессивной шкалы налогообложения, которая снижает разницу в доходах между верхней и нижней децилей населения до 4–6 раз. Критики такого подхода считают справедливой плоскую шкалу подоходного налогообложения, которая обеспечивает изъятие у богатых больших сумм, приходящихся на одну и ту же процентную ставку налога. Но они не учитывают того, что чрезвычайно высокие доходы в современной экономике получают отдельные личности не только благодаря своим индивидуальным успехам, но в значительной мере вследствие текущей отдачи от накопленных всем обществом прошлых достижений, овеществленных в нынешнем высочайшем уровне научно-технического прогресса.

Это становится очевидным по мере все более широкого внедрения автоматизации и робототехники, в результате чего меняется сам характер рыночных отношений, основанных на эквивалентном обмене

¹⁵ Жданова Л.Л. Дискуссионные вопросы теории воспроизводства и накопления капитала // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 1. С. 164.

¹⁶ Сакс Джеффри. Цена цивилизации // М.: Издательство Института Гайдара. 2012. С.18.

товаров, поскольку решающее значение получает прошлый, овеществленный труд, а живой труд вытесняется из производства и не может больше претендовать на весь объем получаемого дохода и прибыли, в создании которых преимущественно участвует прошлый труд, то есть затраченный не столько нынешними работниками, сколько всеми предшествующими поколениями, обеспечившими нынешний высочайший уровень производительности, на отдачу от которой могут претендовать все их ныне живущие потомки. Думается, что именно этот довод может послужить теоретическим обоснованием необходимости безусловного минимального дохода для всех граждан независимо от их фактических заработков. Если ВВП растет в условиях почти безлюдного производства, то распределяться этот прирост должен не между немногими занятыми, а среди всех граждан страны, в том числе тех, кто не имеет реальной возможности рассчитывать на рабочие места, число которых уменьшается.

Принципиальные разногласия в обществе по данному и множеству других вопросов обусловлены разным пониманием роли государства, недооценкой того очевидного факта, что только благодаря вмешательству государства в спонтанные рыночные процессы, неизбежно приводящие к монополизации рынка, разного рода разрушительным кризисам и нетерпимой имущественной дифференциации, капитализму удается не только выживать, но и совершенствоваться в техническом отношении при сохранении эксплуататорской сути этого общества, разделенного на собственников капитала и отчужденных от него наемных работников. Поэтому этот строй остается несправедливым в глазах абсолютного большинства населения Земли, несмотря на наличие средних по уровню доходов слоев, довольствующихся своим положением, но весьма уязвимых при неблагоприятных поворотах судьбы.

Что же касается России, то в силу ее технологической отсталости приходится иметь дело с догоняющим передовые страны развитием, и поэтому она вынуждена решать особые задачи, связанные с преодолением этой отсталости, используя опыт первопроходцев, но не автоматически, а творчески, учитывая уже достигнутые другими результаты, их ошибки и возможность ускоренного прохождения обязательных этапов, а иногда и выправления их извилистого пути.